2. *Гофман А.Б.* Социология и гражданская религия в современной России. Социология и современная Россия. М., 2003.
3. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. URL: www.qumer.info
4. Теоретическая социология: антология: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. С.П. Баньковской. М., 2002.
5. *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
6. *Стриганкова Е.Ю.* Коммуникация как культурный код и социальное действие // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. 2009. № 5 С. 7–17.
7. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1995.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М., 1979.
9. *Стриганкова Е.Ю., Акинина Е.А.* Коммуникативные практики в политической сфере современного общества: модели оптимизации // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. 2011. № 7. с. 43–52.
10. *Чумиков А.Н.* Связи с общественностью. М., 2000.

R.K. Tangalycheva
Giddens's Structuration Theory as a Perspective for the Sociological Study of Intercultural Communication

The paper discusses the following categories of Giddens's structuration theory: competent actors, practical consciousness, social practices, structure and social system, etc. They are analyzed and refined as the conceptual foundations for sociological study of intercultural communication.

Key words and word-combinations: structuration theory, intercultural communication, competent actors, practical consciousness, social practices.

Рассматриваются категории теории структурации Э. Гидденса, в том числе компетентных акторов, практического сознания, социальных практик, структуры и социальной системы и другие. Категории анализируются и уточняются в качестве концептуальных основ социологического изучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова и словосочетания: теория структурации, межкультурная коммуникация, компетентные акторы, практическое сознание, социальные практики.

УДК 316.32
ББК 60.52

Р.К. Тангалычева

ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА КАК ПЕРСПЕКТИВА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В условиях интернационализации и глобализации социальной жизни происходит резкая интенсификация контактов между представителями разных культур. Практически каждый человек имеет возможность или вынужден вступать в такие взаимодействия. В настоящее время более 200 миллионов людей живут вне страны своего рождения. Вместе с тем в реальной жизни успешная коммуникация представителей разных культур остается до сих пор лишь неким прагматическим идеалом, от которого зависит как их комфортное сосуществование или интеграция в структуру принимающего общества, так и

эффективная деятельность организаций и институтов. В связи с этим особую актуальность приобретает проблематика исследований межкультурной коммуникации, которая базируется на концепциях и методах антропологии, психологии, лингвистики, теории коммуникации, семиотики, социологии и других дисциплин.

Здесь межкультурная коммуникация определяется как совокупность разнообразных форм отношений и общения между людьми, относящимися к разным культурам. При этом различия в восприятии культурных смыслов и символических систем должны быть достаточно ощутимыми для того, чтобы изменить коммуникативное событие и расширить культурную картину мира участников взаимодействия. В современном обществе можно выделить международные и внутрикультурные, или мультикультурные, контакты. В первом типе контактов право на чужеродность является естественным, во втором — указывает на отторжение от культуры большинства, социальное исключение.

Необходимо проанализировать и уточненить некоторые понятия теории структурации Э. Гидденса с точки зрения их применения в исследованиях межкультурной коммуникации.

Под воздействием транспортных технологий и электронных средств коммуникации возникают новые способы освоения реальности участниками межкультурных взаимодействий. Агентами культурных трансформаций становятся персонал международных корпораций, члены международных правительственных и неправительственных организаций, мигранты и диаспоры, туристы, студенты, ученые, медиаперсоны, представители творческих профессий и т.д. Попадая в инокультурную среду, они, с одной стороны, вынуждены приспосабливаться к ней, но, с другой стороны, имеют возможность активного влияния на нее.

Иными словами, субъектами транснациональных связей конструируются новые деятельностные контексты — неявные правила, роли, коллективные нормы и ожидания, в рамках которых формируются, реализуются и получают новые конфигурации такие культурные практики, как транснациональные бизнес-коммуникации, международная трудовая миграция, глобальный туризм, виртуальные сети коммуникации, креативные индустрии, студенческие обмены, смешанные браки, аккультурация детей в таких браках и прочие. Новые деятельностные контексты конституируют и воспроизводят идентичности, или «раскрывают» основные способы социального существования, характерные для определенной культуры в определенный период времени. В этом смысле они понимаются как различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые обеспечивают человеку возможность состояться в том или ином социальном качестве

Субъекты деятельности и структуры Гидденс видит как две независимые друг от друга категории, заявляя таким образом, о дуальности, двуединстве. В соответствии с представлениями о дуальности структуры, структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью. «На понятие “дуальности структурного” можно взглянуть и с точки зрения того, что “структурное всегда является

одновременно ограничивающим и наделяющим правами" и что, следовательно, оно связано с понятиями ограничения и компетентности» [1, с. 70].

Понятие «структура» используется в теории структурации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве. Структура, по Гидденсу, представлена в виде двух аспектов правил — нормативных элементов и кодов значимости [2]. Ресурсы тоже делятся на два вида: авторитарные, возникшие вследствие координации человеческой деятельности, и распределяемые — производные управленческого контроля за материальными продуктами или другими элементами материального мира. Особый интерес для Гидденса представляют исследования рутинных пересечений практик — «точек превращения» в структурных взаимоотношениях, а также способов, посредством которых институциональные практики сочетают социальную и системную интеграцию [3, с. 450].

Теория структурации включает в себя социологию действия и предполагает наличие социально компетентных акторов. Компетентность в данном случае — «все то, что акторы знают (или во что они верят), в негласной или дискурсивной форме, по поводу обстоятельств их собственного действия или действий других, все то, что они используют в производстве и воспроизводстве действия» [1, с. 70—71]. В рамках человеческой компетентности Гидденс различает дискурсивное и практическое сознание. Дискурсивное сознание базируется на том, что акторы могут выразить вербальным образом (устно или письменно), то есть к то, к чему обычно сводится понятие сознания. Практическое сознание базируется на том, что акторы умеют делать в социальной жизни, не будучи в состоянии выразить это дискурсивным образом». Граница между указанными двумя видами сознания подвижны и изменчивы.

Гидденс считает социальные системы воспроизводимыми социальными практиками. Социальные системы не имеют структур, но проявляют структурные свойства. Самих структур во времени и пространстве не существует, однако они проявляются в социальных системах и форме воспроизводимых практик. Хотя некоторые социальные системы могут быть продуктом целенаправленного действия, Гидденс основной акцент делает на том, что такие системы часто оборачиваются непреднамеренными последствиями человеческого действия. Эти непредвиденные последствия могут стать неосознаваемыми обстоятельствами действия и оказывать на него влияние по механизму обратной связи. В свою очередь, обстоятельства могут уклоняться от попыток их подчинения, но тем не менее акторы не оставляют своих усилий по осуществлению такого контроля над своими обстоятельствами [3, с. 450—451].

Например, одной из черт социальной жизни в России на протяжении столетий является экономическая и социокультурная поляризация населения, понимаемая многими исследователями как некий иррациональный феномен, который не способствует современной трансформации общества. С целью выяснения причин поляризации в работе «Типы рациональности в контексте российской деловой культуры» мы обратились к рассмотрению специфических

черт сознания и поведения, которые оказывают воздействие на трудовую активность представителей различных групп населения [4, с. 126—142].

Согласно мнению некоторых исследователей, причиной материальной бедности часто является социальная бедность. Под социальной бедностью подразумевается отсутствие в том или ином обществе ряда позитивных традиций, ценностей, навыков и поведенческих норм. А.И. Пригожин приводит следующий пример. Некий предприниматель хотел помочь подмосковной деревне, где он родился и где отсутствовали рабочие места, так как прежнее отделение совхоза ликвидировано. Решено было одно из производств его бизнеса разместить в деревне, что позволило бы обеспечить работой 16 человек. Было завезено оборудование, обучены рабочие, им предложена неплохая зарплата, что вызвало у местных жителей благодарность и надежды на улучшения. Производство, основанное на несложном химическом процессе, требовало лишь точности, аккуратности, строгой технологической дисциплины. До тех пор, пока предприниматель лично контролировал производственный процесс, не возникало существенных проблем. Однако после его отъезда вся продукция, изготовленная в деревне, попадала в брак. Владелец бизнеса пытался объяснить односельчанам, что вынужден будет закрыть и без того не очень рентабельное производство, если они не обеспечат требуемое качество. Те исправили ситуацию, но продлилось это недолго. В конце концов, этот цех пришлось закрыть, и уволенные работники снова рухнули в нищету [5, с. 30].

Переводя описанную ситуацию в более широкий социальный контекст, следует опираться на исследования середины 1990-х годов, в которых анализировались ответы представителей различных групп населения на вопрос «что значит жить нормально?». Для большинства людей старшего возраста, жителей сел и небольших городов, людей, входящих в слои относительной бедности (в середине 1990-х годов таких было около половины населения), это означало жить «как прежде», в советское время, до перестройки [6].

При традиционалистском стиле жизни, по словам М. Вебера, «человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду и необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело» [7, с. 33].

Пригожин предлагает для объяснения различий в трудовой этике того или иного народа обратиться к понятию «этос», то есть совокупности норм, образцов, ценностных ориентаций, фактически регулирующих деятельность людей. Это не декларируемые или задаваемые нормы и ценности, а те, которыми люди реально руководствуются. Конечно, типы этоса сильно варьируются в зависимости от страны, этноса, деловой и организационной культур и типа личности, но в каждом социуме, большом или малом, есть доминирующий этос [5, с. 31].

Это, в определенном смысле, компонент габитуса, по Бурдье [8], и рефлексивного практического сознания, по Гидденсу [2].

Термин «повседневный» («обыденный»), по Гидденсу, точно отражает рутинный характер социальной жизни, продленной во времени и пространстве. Повторяемость действий, воспроизводимых в одинаковой манере день за днем, составляет материальную основу того, что Гидденс называет рекурсивным (возвратным) характером социальной жизни. Рассуждая о возвратном характере, он подразумевает, что структуральные свойства социальной деятельности постоянно восстанавливаются (благодаря двойственности структуры) из тех же ресурсных источников, которые породили их [2, с. 19].

Для уточнения межкультурных различий и «силы» привычного рутинизированного поведения, приобретенного в ходе социализации (инкультурации), следует привести еще два примера из личных наблюдений автора, зафиксированных в ходе эмпирического исследования по разработке культурных ассимиляторов. Данный эмпирический материал собирался с целью разработки тренинга «Культурный ассимилятор как средство адаптации иностранных граждан к жизни в крупном российском городе» [9]. Примеры показывают то, как люди с разным культурным опытом по-разному приспосабливаются к социокультурной среде принимающего общества и как их культурных опыт влияет на характер аккультурации [10.].

Пример 1. В переполненной маршрутке ехали пассажиры. На остановке девушка попыталась открыть дверь и выйти, но случилась поломка и дверь не открывалась. Несколько женщин, сидевших недалеко от двери, попробовали помочь девушке, но у них тоже ничего не получилось. Рядом также находился молодой человек, который почти не реагировал на происходящее. Пожилая пассажирка, сидевшая в самой глубине салона, стала требовать, чтобы молодой человек встал и открыл дверь девушке. Молодой человек не сразу понял, что от него требуется, так как практически не понимал русского языка. Он недавно приехал на стажировку в Санкт-Петербургский государственный университет из США. Когда русская студентка, сопровождавшая его, перевела суть происходящего на английский язык, американец остался на своем месте и не помог девушке. В результате водитель был вынужден выйти из автобуса и открыть дверь снаружи.

Пример 2. В дождливый день пассажиры ехали в маршрутке по Университетской набережной Санкт-Петербурга. Неожиданно двигатель автобуса заглох, и водитель не смог его завести. После нескольких попыток он был вынужден попросить пассажиров пересесть на следующий автобус того же маршрута. Пассажиры, среди которых был и молодой японец-аспирант, вышли и оказались под проливным дождем. Через какое-то время подошел следующий автобус. Первым у входа оказался японский аспирант, за ним стояли пять-шесть женщин. Японец галантно открыл дверь и стал пропускать всех женщин в автобус. В результате, пропустив последнюю даму, он остался стоять на улице — в автобусе для него не хватило места.

В первом случае молодой американец действовал на основе ранее усвоенных правил повседневного поведения, принятых в северо-американской культуре: соблюдение гендерного равенства и невмешательства в чужие дела, сохранение

личной автономии. Во втором случае японский аспирант, наоборот, старался отстраниться от усвоенных в родной культуре стереотипов поведения. В Японии не существует традиции галантного отношения к даме (или демонстрации такого отношения), сводящейся в современных российских условиях к готовности мужчины подать женщине пальто, придержать дверь, уступить место, поднести тяжелые вещи. В дальневосточных странах, скорее, женщина уступит мужчине место в общественном транспорте, особенно старшему по возрасту, или добровольно возьмет на себя тяжелую либо неприятную работу.

Заметим, что типичный россиянин никогда не поступил бы как американец или японец в приведенных примерах. Культурная компетентность и социальная адекватность, воспитываемые в детском возрасте в процессе инкультурации, позволяют носителям культуры с оптимальной точностью реагировать на поведение окружающих людей в тех или иных ситуациях. Трудно представить молодого россиянина, не отозвавшегося на просьбу женщины помочь открыть дверь, так же, как и оставшегося стоять под проливным дождем, пропустив в салон автобуса всех желающих войти женщин. В процессе эмпирического исследования обнаружилась любопытная особенность аккультурации западных и восточных участников-иностранцев. Западные «визитеры» склонны видеть многие сложности своей аккультурации в недостатке культуры местных жителей, тогда как восточные прикладывают максимальные усилия для успешного приспособления к культурной специфике принимающего общества иногда даже в ущерб собственным интересам и представлениям.

Наконец, еще один важный для выстраивания методологии межкультурного исследования аспект теории структурации Гидденса — связь этой теории с эмпирическими проблемами. С точки зрения социолога, значительная часть социологической теории, в особенности касающаяся структурной социологии, рассматривает социальных субъектов как гораздо менее осведомленных, сообразительных и опытных, чем они есть на самом деле. Последствия такого положения вещей, без сомнения, просматриваются в эмпирической работе, в неспособности добывать информацию, позволяющую обращаться ко всему диапазону осведомленности субъектов, по крайней мере с двух сторон. То, что действующие субъекты (или акторы) смогут сообщить относительно обстоятельств и условий своей деятельности и деятельности окружающих их людей, будет носить ограниченный характер, если исследователи не постигнут и не отдадут дань уважения возможной многозначности ряда дискурсивных явлений — тех, которым они (как впрочем и сами социальные акторы), безусловно, уделяют пристальное внимание, но которые зачастую недооцениваются в социологических исследованиях.

Таким образом, используемые Гидденсом в социологическом анализе категории — структура (правила и ресурсы), компетентные акторы, дискурсивное и практическое сознание, социальные практики, рекурсивный (возвратный) характер социальной жизни, ситуативный характер деятельности, позиционирование во времени и пространстве, региональный и локальный характер взаимодействий — помогают осмыслить и проинтерпретировать особенности межкультурных взаимодействий в условиях интернационализации и глобализации. Некоторые из этих понятий были уточнены в контексте межкультурной коммуникации и трансформаций в современном российском обществе.

Библиографический список

1. *Коркюф Ф.* Новые социологии. СПб., 2002.
2. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М., 2005.
3. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
4. *Тангалычева Р.К.* Теории и кейсы межкультурной коммуникации в условиях глобализации. СПб., 2012.
5. *Пригожин А.И.* Российский этос: обогащение или лечение? // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 30.
6. *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 18.
7. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
8. *Бурдье П.* Социология социального пространства. СПб., 2005.
9. Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге / отв. ред. Р.К. Тангалычева, Н.А. Головин. СПб., 2009.
10. *Тангалычева Р.К.* Проблемы аккультурации временных мигрантов в крупном российском городе: культурные различия в невербальном поведении // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 24–39.

E.A. Raevskaya
The Role of the Outdoor Advertising in the Process of Symbolic Space Design of a Russian Provincial Town

Visualization in advertising as habitat-forming factor in modern urban environment is analyzed. The author cites his own empirical study of outdoor advertising in the Russian provincial town. The results of this study are the basis for recommendations to improve the advertising communication of the city.

Key words and word-combinations: city, brand, outdoor advertising, symbolic space.

Анал,изируется рекламная визуализация как средообразующий фактор современного города. Приводятся данные авторского эмпирического исследования наружной рекламы российского провинциального города. Результаты исследования ложатся в основу рекомендаций по совершенствованию рекламной коммуникации города.

Ключевые слова и словосочетания: город, бренд, наружная реклама, символическое пространство.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Е.А. Раевская

РОЛЬ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Город — целостная, комплексная среда, обладающая не только витальным, но и личностно-смысловым локусом обитания человека [1]. Гибкость и изменчивость постиндустриальной экономики и формирование общества потребления коренным образом меняют социокультурный ландшафт современного города [2]. Как и у П. Ивановым [3],